

ционные предводители по-разному представляются у прозаиков. Например, у Шмелева в книгах *Богомолье* и *Преображенец* царь представлен как избранник Божий, как человек, особенно близкий Богу, он – гарантия безопасности и стабильности жизни общества.

Эмигрантская экспликация образа России входит в религиозно-мистическое измерение. Трагедия России рассматривалась в категориях жертвы за грехи. Особенно интересно этот вопрос показан исследовательницей во *Взвихренной Руси* Ремизова. Здесь образ страдающего народа, персонифицированная Россия наделены чертами страдающего Христа.

Уместно отметить, что семантика понятия „Родина” в эмиграции приобретает самые разнообразные коннотации. В сознании писателей Родина приобретает значение „страны счастливого детства”, а также выступает как метафора „дома”. Метафоризация детства в автобиографической эмигрантской прозе занимает ключевое место.

Предметом исследований в этой части работы был также вопрос сакрализации русского пейзажа и мифологизация русских городов, часто приобретающих статус святых мест. Автор монографии считает, что и у Бунина и у Зайцева описываемая природа формирует народное сознание. Представление широкого пространства, пишет Сидор, символизируют свободу и безопасность. Москва и Петербург, благодаря своей истории и торжественной архитектурно-пространственной обстановке, занимают особое место.

Подводя итоги наших рассуждений нужно отметить, что представленные в монографии результаты исследования могут быть использованы для дальнейших изысканий по русской духовности в литературе. Анализ и интерпретация произведений могут послужить, в частности, для дальнейшего осмысления творчества четырех видных прозаиков первой волны в религиозно-художественном ракурсе.

Zoja Kuca

Katedra Literatury Rosyjskiej w Instytucie Filologii Słowiańskiej KUL

Алла Громова, *Б.К. Зайцев во Франции*, Орел: Издательство „Картуш” 2007, сс. 207.

Монография А. Громовой выгодно выделяется в ряду текстов, посвященных литературе русского зарубежья тем, что она, во-первых, обращается к творчеству Б.К. Зайцева, которое стало объектом научного изучения лишь с конца 1980-х годов, а во-вторых, принадлежит к числу литературы, построенной на документальной основе, которая отразила главную тенденцию

XX века – усиление интереса к человеческой личности, психологии и духовному миру индивидуума.

Творчество самого Зайцева отличается жанровым многообразием. До революции писатель создал рассказы (в том их разновидности – эскиз, этюд, идиллия, лирико-психологическая новелла и др.), несколько пьес, повесть, роман. Жанровое новаторство не менее ярко проявилось в его эмигрантском творчестве (1922-1972), хотя даже при поверхностном взгляде очевидно, что в творчестве Зайцева периода эмиграции преобладают жанры, имеющие документальную основу, на что верно обратила внимание А. Громова в монографии, которая пишет во введении: „Таким образом, в творчестве Зайцева периода эмиграции отчетливо выразилось тяготение к художественно-документальным жанрам, усиление автобиографизма и биографизма, что привело к пробам новых жанровых форм” (с. 6). Поэтому Громова оставила за пределами внимания собственно художественные произведения Зайцева, а считала необходимым включить в монографию его литературно-критические работы.

Стоит подчеркнуть, что в книге впервые дается научное описание системы жанров, имеющих документальную основу, в творчестве Зайцева 1922-1972 гг. на фоне литературной традиции XIX-XX вв. Громова права в том, что у Зайцева глубокое внутреннее единство как на содержательно-идейном уровне, так и на уровне поэтики. И хочется добавить, что главная особенность творческого наследия писателя периода эмиграции – преобладание жанров, дающих возможность прямого выражения себя.

В качестве материала анализа выступает около двухсот произведений писателя, включая отдельные архивные и ранее не переиздававшиеся тексты Зайцева, которые впервые Громова ввела в научный оборот.

Монография состоит из шести глав, введения, заключения и примечаний.

В первой главе: *На „пороге вселенной”: Париж и Франция в произведениях Б.К.Зайцева*, создается оригинальный образ Парижа и Франции, а также дается своеобразная трактовка литературной „мифологии” Парижа. Вторая глава: *Литературно-критическое наследие Б.К.Зайцева* состоит из четырех подразделов, в которых Громова относится к истокам литературно-критического метода писателя, жанру литературной рецензии, конкретным оценкам, которые Зайцев дал отдельным русским писателям и их произведениям (А. Пушкин, Н. Гоголь, И. Тургенев, А. Чехов, Л. Толстой, Ф. Достоевский).

Глава третья: *„...Памятник тому, что знали и любили...”*. *Жанр художественной биографии в творчестве Б.К.Зайцева* состоит из четырех подразделов, в которых Алла Громова обращается к жанру художественной биографии и книге Зайцева *Преподобный Сергей Радонежский* (1925) а затем к биографиям: *Жизнь Тургенева* (1930-1931), *Жуковский* (1951), *Чехов* (1954). Уместно подчеркнуть, что Громова обращает свое внимание на позицию автора биографий, в которой видит его взгляды на любовь, религию, творчество, русское литературное развитие, а также социальную деятельность, революцию, судьбу России. Художественные биографии Громова считает одной из граней мемуарно-автобиографического творчества Зайцева. Другую грань, в которой авто-

биографизм выражен более открыто, усматривает в жанрах мемуарного очерка и литературного портрета.

В эмиграции Зайцев создал несколько сотен мемуарных очерков и литературных портретов, показывающих связи отдельного человека с его эпохой. Об этом и идет речь в главе четвертой: *Мемуарный очерк и литературный портрет в творчестве Б.К.Зайцева*. В трех подразделах этой главы Громова объясняет общие черты зайцевских портретов, а также пишет о том, что эти очерки, запечатлевшие облик деятелей русской культуры, распадаются в жанровом отношении на несколько основных типов. Исследователь делит их на литературные портреты, лучшие образцы которых были включены в мемуарные циклы *Москва* и *Далекое*, некрологи и близко примыкающие к ним очерки „памяти ушедших”, а также юбилейные статьи, посвященные годовщинам рождения или творческой деятельности, очерки с заглавием „Судьбы”, мемуарные очерки, содержащие „штрихи к портретам”.

Глава пятая: „Самое обширное из писаний...”. *Автобиографическая тетралогия „Путешествие Глеба”* рассматривает зайцевскую тетралогию (1937-1953), которую часто сопоставляют с *Жизнью Арсеньева* И. Бунина. Однако Громова подчеркивает, что Зайцев творчески применил традиционную форму, усвоив художественные открытия XX века, в частности, элементы импрессионистического стиля.

В главе шестой: „Вымирает старое обыкновение писать письма...”. *Об эпистолярном наследии Б.К.Зайцева* автор монографии анализирует переписку Зайцева и его высказывания о самых разных явлениях действительности. Кроме того Громова выделяет шесть крупных смысловых пластов переписки Зайцева: 1) биографический, 2) творческий, 3) мемуарный, 4) литературно-критический, 5) мировоззренческий, 6) историко-культурный. Подчеркивает также факт, что зайцевские письма можно рассматривать не только как источник сведений о жизни автора и его окружения, но и как произведения особого жанра документальной литературы.

Завершая свое исследование, Громова намечает перспективы развития изучения эпистолярных и дневниковых произведений Зайцева, газетно-публицистических жанров в его творчестве, жанра „дневника-писателя”, а также принципов циклизации и поэтики художественно-документальных циклов.

Автор адресует книгу учителям, специалистам-филологам и всем, интересующимся русской литературой. Список хочется продолжить: студентам-филологам, аспирантам, литературоведам, культурологам.

Остается лишь сожалеть о том, что небольшой тираж (500 экз.) делает монографию, как и большинство книг на русском языке, малодоступным изданием.

Beata Wegnerska
Katedra Badań nad Kulturą Rosji
Instytut Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej
Bydgoszcz